

УДК 343.8 (477)

Романов Михаил Васильевич –

доцент кафедри кримінології і уголовно-исполнительного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Mikhail V. Romanov –

Associate professor of criminology and penitentiary law department,
Yaroslav Mudryi National Law University
(77 Pushkinska St., Kharkiv, 61024, Ukraine)

Кризис карательной парадигмы исполнения наказаний

Стаття присвячена розгляду доктринальних підходів к питанню виконання кримінальних покарань. Автор поєднує цілі покарання та кримінально-виконавчої діяльності і механізми реалізації цілей в узагальнююче поняття парадигми виконання покарань. Системні проблеми кримінально-виконавчої діяльності автор бачить в постановці нереальних цілей, які спотворюють систему виконання покарань і призводять до нехтування правами засуджених. Автор визначає власне бачення нової парадигми виконання покарань.

Ключові слова: цілі покарання; парадигма кримінально-виконавчої діяльності; ресоціалізація; виправлення; корекційна робота з засудженим; партнерські відносини з засудженим.

Статья посвящена рассмотрению доктринальных подходов к вопросу исполнения уголовных наказаний. Автор объединяет цели наказания и механизмы реализации целей в обобщающее понятие парадигмы исполнения наказаний. Системные проблемы уголовно-исполнительной деятельности автор видит в постановке нереальных целей, которые дискредитируют систему исполнения наказаний и приводят к игнорированию прав осужденных. Приводится собственное видение новой парадигмы исполнения наказаний.

Ключевые слова: цели наказания; парадигма уголовно-исполнительной деятельности; ресоциализация; исправление; коррекционная работа с осужденными; партнерские отношения с осужденным.

M.V. Romanov Crisis of Sentencing Paradigm of Punishment Execution

The article is devoted to the consideration of theoretical, doctrinal approaches to the question of the execution of criminal penalties. The purposes of punishment and criminal-executive activity are considered, mechanisms of realization of the purposes are analyzed. These categories are united by the author in the generalized concept of the paradigm of the execution of punishments. The author formulates the main problem of criminal-executive activity, which he sees in staging unrealistic goals that lead to discrediting the whole system of punishments, formalizing approaches to the execution of punishment and neglecting the rights of convicts. The author gives his own vision of a new paradigm for the execution of punishments. To implement the paradigm for the execution of punishments, free from the punitive moment, it is necessary to reorient the system to individual work with the convict. It should be based on personal contacts between the convict and the social worker, creating an atmosphere of trust, mutual respect and attention, lack of treachery and perfidy. The society must realize that from convicts it will not go anywhere and they will again be released after a certain period of time. Therefore, the convict, in the period of his unfree existence, it is necessary to give experience, filled with attention and the formation of respect for oneself. The process of changing paradigms is quite complex and requires an integrated approach and implementation mechanisms. In addition to the conceptual developments, expert participation in the development of normative acts is necessary, it is necessary to replace all the personnel of the penal system, changes in criminal legislation that would make imprisonment extremely difficult and difficult to implement by a punishment measure, it is necessary to restructure and modernize the system of penal institutions.

Keywords: the purpose of punishment; the paradigm of penitentiary activity; resocialization; correction; correctional work with convicts; partnership with the convict.

Вступление: Понятие парадигма используется в научном обиходе давно, однако к общественным явлениям его применение изначально не являлось «классическим». Парадигма (от греч. *παράδειγμα*, «пример, модель, образец») это образец, это то, с чем сравнивают и сопоставляют. На сегодня в науке парадигму принято рассматривать как совокупность фундаментальных научных установок, взглядов и теорий, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов.

Томас Кун в работе «Структура научных революций» рассмотрел парадигму применительно к научному поиску и познанию в сфере общественных отношений, отметив, что парадигма, как признанная научным большинством научная платформа, обязательно претерпевает в определенные моменты времени изменения и смену [1]. Доминирующая в настоящее время парадигма, как демонстрируют внутригосударственные события, да и события мирового масштаба, давно миновала период стабильной устойчивости и проявляет все признаки завершающей стадии своего существования. Мы находимся на стыке ментальных эпох и смены парадигмы.

Современная научная мысль ученых-пенитенциаристов обходит молчанием поднимаемую в настоящей статье проблематику. И хотя такие ученые как И.Г. Богатырев, А.Г. Колб, А.Ф. Степанюк, И.С. Яковец в той или иной степени обращались к вопросам доктрины уголовно-исполнительного права, все же не рассматривали их как ключевые при решении задач реформирования всей уголовно-исполнительной системы.

Постановка проблемы: Все это в полной мере применимо и к общественным отношениям, возникающим по поводу исполнения уголовных наказаний. Этот процесс был замечательно описан в 1975 году Мишелем Фуко в его книге «Надзирать и наказывать»[2]. Он имел в виду то же самое, говоря о том, что на протяжении короткого промежутка времени произошло исчезновение публичных казней с применением пыток, за несколько десятилетий исчезло казнимое, пытаемое, расчленяемое тело, символически клеймимое в лицо или плечо, выставляемое на публичное обозрение живым

или мертвым. Фуко указывает, что техника исправления вытесняет в наказании собственно искупление содеянного зла и освобождает судей от презренного карательного ремесла. И хотя автор не ставил акцента на этом процессе, налицо смена парадигмы, как основной идеи исполнения наказания. В своем очень тщательном и глубоком исследовании Фуко подробно продемонстрировал переход от системы наказаний, основанной на причинении боли и страданий осужденному к системе, основанной на идее о перевоспитании осужденного. Для XIX века эта теория оказалась своевременной и актуальной. На тот момент назрела необходимость ухода от калечащих и причиняющих боль наказаний, поскольку они противоречили тенденциям и направлениям общественной мысли, да и не изменяли существующую ситуацию с преступностью. Общество требовало совершения попыток изменить преступника, сделать его если не полезным, то по крайней мере, безопасным членом общества. В настоящий момент мы наблюдаем протекание аналогичных процессов с существующей системой наказаний. В первую очередь речь идет о национальной системе наказаний, так как она имеет серьезную специфику по сравнению с многими другими системами и не соответствует передовым тенденциям в развитии правоотношений по исполнению наказаний.

Однако, если мы наведем учреждения исполнения наказаний тех стран, которые были авторами и инициаторами установления международных стандартов, мы заметим, что фактическое положение дел в этих странах довольно существенно отличается от нормативных моделей. Причем отличия эти оставили далеко позади упомянутые стандарты, различая их как ограничительные флажки, за которыми просматривается средневековая пыточная. Потому-то, на сегодня минимальные стандарты уже нельзя рассматривать как ориентир, который необходимо имплементировать в национальную уголовно-исполнительную деятельность. Эти стандарты должны быть ориентиром, который скорее дает сигнал к тому, что мы имеем дело с пытками и нечеловеческим отношением, чем с той нормой, которая должна быть гарантирована как

минимум. Ибо в век высоких технологий трудно себе представить как норму – 4 кв.м. на человека, купание один раз в неделю и пребывание на свежем воздухе в течение одного часа в сутки. Ведь эти стандарты и названы минимальными, чтобы подчеркнуть их критичность, а не желательность. Похоже, что доминирующая в настоящий момент «идея» имплементации минимальных стандартов, которой так увлечены ученые и практики, близка к приведенному примеру. Исходя из вышеуказанного, можно смело утверждать, что для содержания человека в искусственно созданных условиях несвободы, обозначенный в середине прошлого века «минимум» недопустим. Этим хотелось бы подчеркнуть, что идеология наказания человека в стремлении его перевоспитать на сегодняшний день также устарела, как в свое время устарела идея калечить и причинять боль. Очевидным является то, что концепция наказания путем перевоспитания отличается от наказания путем причинения боли только тем, что острое насилия перешло с тела человека на его психику (или душу, как писал Фуко). Однако в остальном это все то же принуждение, давление и унижение, как и в случае с телесными, калечащими и порочащими наказаниями. Сегодня человеческая мысль и гуманизм шагнули дальше, и можно вполне обоснованно надеяться на то, что настоящее изменение парадигмы несет в себе трансформацию не только проявлений доминирующей идеи, но и самой идеи.

Результаты исследования: Идея наказания путем принудительного воздействия, целью которого в конечном итоге, является перевоспитание и устойчивое изменение поведения осужденного имеет довольно громоздкую теоретическую подоплеку и витиеватые обоснования, которые, как показал исторический опыт, были в полной мере умозрительным предположением. Основная идея состояла в том, что наказание, суть которого состоит в наборе довольно существенных правоограничений, должно, путем изъятия из арсенала доступных субъекту поведенческих средств и проявлений, оставить ему только позитивные или нейтральные варианты поведения, сориентировать этого субъекта, соответственно, на постоянный позитивный или нейтральный способ действия и существования. В наказания закладывались ограничения и

запреты, которые не оставляли человеку возможности действовать свободно и выбирать линию поведения. Этот уклад основан на повторении и мысли о том, что повторяющиеся модели поведения закрепляются в привычку и приведут к исправлению осужденного. Однако, как продемонстрировала правоприменительная практика, ни одно из теоретических направлений исправления осужденных не подтвердили своей способности по-настоящему исправлять. И одной из причин этого является то, что само понятие исправление с течением времени продемонстрировало свою бессодержательность. Стало понятным, что в «исправление» вкладывается слишком разное содержание с одной стороны, а с другой, ни одна научная теория не осмеливалась утверждать, что исправление это становление «непогрешимой» личности, то есть такой, которая полностью освобождается от возможности совершения правонарушений и утверждается в соблюдении норм морали. Разумеется, что в таком случае возникает вполне резонный вопрос: что же это такое и чего мы хотим от наказания? К последней четверти XX века наука и практика созрели до того, чтобы признать, что под исправлением разумнее всего понимать несовершенство освободившимся осужденным правонарушений в течение более менее длительного времени и неподдержание криминального уклада жизни. Многие ученые это понимали и обратили свои взоры к более трезвой цели наказания – его исполнению[3]. И хотя звучит такая цель не столь пафосно и не имеет социально-положительной окраски, приходится признать, что на определенном этапе наказание достигает лишь эту цель.

Итак, цель наказания – это его исполнение. Таким образом, мы вплотную приближаемся к тому, чтобы заявить, что наказание является самоцелью. Такой поворот событий, хоть и реален, но не допустим с точки зрения развития человеческого общества. Следующей, относительно новой, целью наказания обозначена ресоциализация. Законодатель понимает под ней процесс сознательного восстановления осужденного в социальном статусе полноправного члена общества; возвращение его к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе. Вновь мы сталкиваемся с чрезмерно

теоретизированным понятием, отсутствием критериев его выявления и, в конечном итоге, бессодержательностью понятия и отсутствием механизмов достижения поставленной цели. С другой стороны, психологическая наука смотрит на ресоциализацию несколько по-иному. Так, психологи под ресоциализацией понимают процесс освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей, не освоенных, или недостаточно освоенных ранее, или обновленных на новом этапе общественного развития [4, с. 161-162]. Ресоциализовать значит вернуть навык социализации, то есть способности бесконфликтно функционировать в обществе, принимать его ценности и использовать исключительно разрешенные механизмы достижения социальных благ. Если принять эту цель, мы будем вынуждены принять и то, что до момента осуждения соответствующее лицо не было социализовано. Несмотря на усилия таких мощных по своему воздействию социальных институтов, как семья, школа, учебные заведения, трудовые коллективы субъект не получил некоего положительного социального заряда и встроился в социальный маргинальный слой людей, для которых нарушение закона является приемлемой практикой. Можно ли в таком случае ожидать, что такой социальный институт как учреждение исполнения наказания, с его набором негативных и социальноугнетающих механизмов, будет в состоянии ресоциализовать человека, то есть восстановить его как «полноценного» члена общества свободных субъектов? Таким образом, мы видим, что стоящие перед наказанием в настоящий момент цели являются недостижимыми и нереальными. Это следующий аргумент в пользу того, что назрела необходимость выявления реальной цели наказания и ее установления. Это поможет сформировать адекватную систему исполнения такого наказания и позволит подобрать действенные механизмы взаимодействия с осужденными.

Общеизвестным является, что осужденные, зачастую являются людьми, имеющими серьезные психологические и психические проблемы. Нередко это люди из неполных семей, которые были обделены родительским вниманием и участием, имеющие психические аномалии, которые также возникли

или связаны с психическими и психологическими травмами, полученными в детском или подростковом возрасте. В этой связи надо отметить, что в отечественной науке все исследования личности преступника связаны с констатацией негативных психологических качеств таких лиц [5, 6, 7]. Однако такие качества, и это очевидно, нельзя рассматривать как специфические, присущие только преступникам. Они вполне типичны для современного человека, живущего в постиндустриальном обществе высоких технологий. Существует большой пробел в отечественной криминологической, социологической, психологической и правовой науке, связанный с отсутствием исследований, посвященных изучению глубинных, фундирующих психических состояний лиц, которые впоследствии совершили преступления.

Так или иначе, но подавляющее большинство лиц, совершающих уголовно-наказуемые деяния не знакомы с внимательным и терпимым отношением именно к ним, и потому их «исправление» с помощью обезличенного принудительного воздействия не приведет ровным счетом ни к чему.

Очевидным является то, что постулирование невыполнимой цели исправления и ресоциализации не является, с другой стороны, безобидным. Понимая невозможность достижения поставленных целей и законодатель, и исполнители ощущают себя «свободными» от обязательств перед обществом. Ведь если все понимают нереальность цели, то и прилагать усилий в этом направлении нет необходимости. Такая атмосфера приводит к безответственности среди работников уголовно-исполнительной службы и ненадлежащим исполнением ими своих служебных полномочий. Ведь каждый знает, что осужденный будет освобожден независимо от криминологического прогноза и степени его «исправления». Поэтому важным является, с одной стороны, поставить перед исполнением наказаний цель, но поставить такую цель, которая была бы не только исполнимой, но и нужной и актуальной для общества.

Не углубляясь в существующие исследования и теории о личности преступника, обобщая можно утверждать, что общим для осужденных является чувство отчужденности,

покинутости, обделенности вниманием, чувство ненужности и неустроенности в среде свободных людей. Попросту говоря, они сами считают себя ненужными свободному обществу и чуждыми ему. Осужденному кажется, что общество в них не заинтересовано, что проведена разгарничительная черта между свободными и «зеками», и эта черта непреодолима.

Таким образом, представляется, что основной арсенал средств работы с осужденными должен быть направлен на то, чтобы продемонстрировать осужденному заинтересованность в нем. Причем эта заинтересованность должна быть ориентирована на все сферы и акценты человеческой личности. И здесь контраргументы скептиков о том, что колонии превратились в «санатории» не должны приниматься во внимание, поскольку колонии и должны стать своеобразными «санаториями», территориями, где осужденному будет продемонстрирована «другая» сторона социальной реальности. А именно реальности, где осужденный нужен, где к нему относятся со вниманием и заботой. Он должен понять, что в жизни существует не только череда неудач, напряжения и боли, но и возможность успеха, процветания и любви. Получение такого позитивного опыта для многих осужденных может стать именно тем триггером, который запустит ауторесоциализационные механизмы.

Безусловно, не стоит ожидать, что переориентирование системы исполнения наказаний в таком ключе решит и снимет все проблемы и сложности. Но такая система исполнения наказаний наполнит работу по противодействию преступности необычным положительным опытом, который будет создавать сильный диссонанс с общей мрачной атмосферой, в которой обычно существуют люди, склонные к совершению преступлений.

Мало кто из осужденных видит и настраивается на положительное развитие событий своих жизней. В большинстве своем люди, отбывающие или отбывшие наказание являются носителями глубокого комплекса неполноценности, который будучи помноженным на личностные особенности, не позволяет им вырваться из тисков стереотипа о том, что их жизни «сломаны» и не подлежат восстановлению. Эта установка настолько настойчиво и неизменно внедряется в сознание

широких масс, что в дальнейшем, столкнувшись с этим в жизни, человеку слишком сложно стряхнуть оцепенение от спавшей до сих пор установки о том, что те, кто имеет судимость, не могут жить полноценной жизнью. И хотя социальный опыт демонстрирует, что это далеко не всегда так, однако нужно признать, что обусловленные негативной социальной установкой стереотипы о несовместимости мира свободных и мира осужденных увеличивают разрыв между этими искусственными феноменами и закрепляют их существование.

Потому-то вполне естественным является то, что сегодня сформированы предпосылки для провозглашения новой парадигмы исполнения наказаний, которая будет полностью освобождена от карательных элементов. Ее фундаментом должно стать понимание и ориентир на то, что осужденный не является и не остается патологически зараженной личностью, но остается человеком, который, как и все, вполне способен на положительное поведение и способен уйти от преступных форм поведения. Точкой отсчета и нормой должен быть человек, с набором его потребностей, ожиданием возможных особенностей и пониманием необходимости работать с ним. Понимание того, что в деяниях человека не так уж часто проявляется устойчивая злая воля, а скорее набор привычных противоправных форм поведения. Осознание этой механики преступного поведения должно в корне изменить отношение к осужденному и перестроить работу с ним совершенно в ином ключе. Эта работа должна стать партнерской поддержкой. Но поддержкой принципиальной, сочетающейся исключительно с непреступными формами поведения. Поэтому, все попытки, так называемых, реформ в пенитенциарной сфере не приведут ровным счетом ни к чему до тех пор, пока они будут опираться на отмирающую карательную парадигму.

В этой связи хотелось бы высказать следующее мнение, которое может показаться парадоксальным и неприемлемым, но, думаю, со временем, оно будет подтверждено практикой и дальнейшим общечеловеческим развитием. Мнение это состоит в том, что риторика о правах человека и в частности, осужденных, является проявлением агонии карательной парадигмы. Подробное описание прав осужденного и

механизмов их реализации, в конечном итоге, увеличивает «дистанцию» между миром свободных и миром осужденных, уничтожает возможность и необходимость ощущать наличие грани допустимого поведения и, тем самым, приводит к утверждению карательной парадигмы. Закрепленное право действительно обозначает минимальную гарантию в определенной ситуации, но с другой стороны закрепляет «узаконенную» дискриминацию (например, право на ведение переписки: оно с одной стороны необходимо, а с другой указывает на то, что эти люди ограничены в этом праве и могут переписываться только в порядке определенном законом). В такой ситуации об исправлении не может быть и речи, ведь осужденный вновь «заклеймен», он знает, что является носителем особенного статуса, который регламентирует его жизнь и меняет его самого. Кстати, ученые нейрофизиологи давно установили, что восприятие и поведение человека – это набор привычных нейронных связей. Соответственно, если мы, во время отбывания наказания, подчеркнута формируем «новые» нейронные связи с акцентом на статусе «зека», то на выходе получаем устойчивого зека, для «разрушения» которого потребуются вновь создавать иные нейронные связи. Они, в свою очередь, будут формироваться уже на свободе, после отбывания наказания. И выходит, что само по себе наказание и его исполнение играет, скорее обратную роль, углубляя ощущение человеком самого себя, как «зека». И, как это ни удивительно, в этом процессе детализация прав осужденного играет немаловажную и негативную роль. Особенно ярко эта закономерность прослеживается в национальном законодательстве и практике правоприменения. Нашей правовой системе свойственна одна особенность – готовить нормативные акты с пошаговым описанием и претензией на способность предусмотреть все возможные ситуации. Принципы понимания и разумности не приветствуются в правовой системе Украины. И это происходит с любым правом осужденного, за исключением разве что тех, которые позволяют облегчать «бремя» государства в обеспечении осужденных (право на получение посылок, передач и бандеролей).

Однако приведенные аргументы ни в коем случае не должны восприниматься как призыв к

исключению прав осужденных из нормативных актов. Я лишь обращаю внимание на то, что всегда игнорируется при разговорах о реформах и проблемах. Ведь последние, как правило, обозначаются как нечто внешнее, с чем нужно бороться. Есть исключительно внешнее обстоятельство (например, недофинансирование), победа над которым приведет к решению всех проблем. Но основной источник проблем – это внутреннее состояние системы, которая висит в воздухе, не имея концепции и единого, понятного для всех, стратегического направления. Кроме того, нет воли к реализации этого направления. Именно эти два фактора, в конечном итоге, приводят к тщетности всех предпринимаемых попыток реформирования уголовно-исполнительной системы.

Выводы: Практически для реализации парадигмы исполнения наказаний, свободной от карательного момента, необходимо переориентировать систему на плотную индивидуальную работу с осужденным. Ее основой должны быть личностные контакты между осужденным и социальным работником, существующие в атмосфере доверия, взаимного уважения и внимательности, отсутствия коварства, вероломности и пользовательского подхода к осужденному. Это не означает, что для осужденного нужно создать «курорт», это означает, что общество должно окончательно осознать, что от осужденных оно никуда не денется и они через некоторый промежуток времени вновь выйдут на свободу. И именно поэтому осужденному, в период его несвободного существования, необходимо дать опыт, отличный от того, который у него был до наказания, опыт наполненный вниманием и формированием уважения к самому себе. Важно понимать, что процесс смены моделей (или парадигм) достаточно сложный и требует комплексного подхода и механизмов реализации. Кроме концептуальных наработок, необходимо экспертное участие в разработке нормативных актов, необходима замена практически всего персонала уголовно-исполнительной системы, необходимы изменения в уголовное законодательство, которые бы сделали лишение свободы крайней и затрудненной для реализации мерой наказания, необходимо, наконец, перестроить и модернизировать систему

учреждений исполнения наказаний. Разумеется, такой масштаб изменений потребует времени и существенного финансирования. И именно поэтому особенно важным на сегодня является формирование концептуальной основы для

становления новой парадигмы (модели) исполнения наказаний, основанной на социальном участии специально уполномоченных субъектов в судьбе осужденного.

Список использованных источников:

1. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
2. Фуко Мишель Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Мишель Фуко. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 286 с.
3. Степанюк А. Сущность исполнения наказания / А. Степанюк. – Харьков : Фолио, 1999. – 256 с.
4. Перинская Н. А. Ресоциализация / Н. А. Перинская // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 4. — С. 161-162.
5. Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельность / В. И. Ковалев. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
6. Левитов И. Д. О психических состояниях человека / И. Д. Левитов. – М. : Просвещение, 1964. – 334 с.
7. Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления. – М., 1981. – 344 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/720-osoblivosti-psihichnih-staniv-osib-pozbavlenih-voli.html>.

References:

1. T. Kun, *Struktura nauchnikh revolyutsiy* / T. Kun. – M. : Progress, 1977. – 300 p.
2. Fuko Mishel *Nadzirat i nakazivat. Rozhdenie tyurmi* / Mishel Fuko. – M. : Ad Marhynem Press, 2015. – 286 p.
3. A. Stepanyuk, *Sushnost ispolneniya nakazaniya* / A. Stepanyuk. – Kharkov : Folyo, 1999. – 256 p.
4. N. A. Perinskaya, *Resotsyalyzatsiya* / N. A. Perinskaya // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. — 2005. — No. 4. — Pp. 161-162.
5. V. I. Kovalev, *Motivi povedeniya i deyatelnost* / V. I. Kovalev. – M. : Nauka, 1988. – 192 p.
6. I. D. Levitov, *O psikhicheskikh sostoyaniyakh cheloveka* / I. D. Levitov. – M. : Prosveshenie, 1964. – 334 p.
7. *Khrestomatiya po obshey psikhologii: Psikhologiya mishleniya*. – M., 1981. – 344 p. [Elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu : <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/720-osoblivosti-psihichnih-staniv-osib-pozbavlenih-voli.html>.